



Иван Алексеевич Бунин

Геннисарет
(Тень птицы #11)

Содержание

#1	0005
Комментарии	0014

Иван Алексеевич Бунин
11. ГЕННИСАРЕТ
(Из цикла «Тень птицы»)

В Вифлееме, в подземном приделе храма Рождества, блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда. И вокруг нее — крупные латинские литеры, твердая и краткая надпись:

Nic de Virgine Maria Jesus Christus natus est.
[1]

В приделе, как и подобает пещере, бедно. Но огнями, серебром, самоцветами переливаются над звездой неугасимые лампы. Там, наверху — жаркое и веселое солнечное утро, пестрота и крик восточного базара. Здесь — холод, сумрак, благоговейное молчание:

Nic de Virgine Maria Jesus Christus natus est.
Есть древние пергаменты, называемые палимпсестами, — хартии, письма которых полустерты или покрыты чем-либо, чтобы, на месте их, можно было начертать новые. В Вифлееме чувствуешь, прозреваешь то драгоценное, первое, что сохранилось на его священном палимпсесте. В царские одеяния облекли рожденного здесь, царям, путеводным звездой, повелели принести ему, лежащему в яслях, венцы свои, золото, ливан, смирну, и легендами, прекраснее которых нет на

земле, расцвели сладчайшую из земных поэм поэму его рождения. Но, когда благоговейно склоняешься над нею в Вифлееме, проступает простое, *первое*.

Назарет[2] — детство его. Там протекло оно в тишине, в неизвестности. Там огорчали и радовали его игры со сверстниками, там ласковая рука матери чинила его детскую рубашечку... Ветхие пергаменты Назарета остались во всей своей древней простоте. Но скудны и чуть видны письма, уцелевшие на них! И великую грусть и нежность оставляет в сердце Назарет. Помню темные весенние сумерки, черных коз, бегущих по каменистым улочкам, тот первобытно-грубый каменный водоем, к которому когда-то приходила она, помню ее жилище, маленькое, тесное, пещерное, полное вечерней тьмы, пустующее уже две тысячи лет... Как полевой цветок, мало кому ведомый, выросший из случайно занесенного ветром семени в углу покинутого дома, расцвела и здесь легенда, может быть самая прекрасная, самая трогательная: без огня, по бедности родителей, засыпал Божественный младенец; мать сидела у его постельки,

тихо заговаривая, убаюкивая его; а чтобы не было скучно и жутко ему в наступающей ночи, светящиеся мушки по очереди прилетали радовать его своим зеленым огоньком.

А страна Геннисаретская, где прошла вся молодость его, все годы благовествования, все те дни, незабвенные до скончания века, для них же и был он в мире, — она совсем не сохранила зримых следов его. Но нет страны прелестнее, и нигде так не чувствуется он!

В ясный вечер, при заходящем солнце, подходим мы к Геннисарету по Иорданской долине. Все дико, голо, просто вокруг: и в долине, и по каменистым предгориям, обступившим ее, — серо-коричневым, в золотисто-рыжих пятнах по склонам, где от солнца выгорели травы. Тропинка ведет нас среди желтого, уже созревшего и подсохшего ячменя. За ним — прибрежная деревушка, глиняная, без единого деревца, кажущаяся необитаемой. Пройдя по серым пескам, на которых стоит она, увидали мы водную равнину чудесного зеленого тона, теряющуюся в горной дали, замкнутой неясной громадой пегого Гермона.

Солнце было за горами. Свет его гаснет

здесь быстро, а как только он гаснет, с гор срывается недолгий, но сильный ветер. И темнеющее озеро уже шумело от крупной зыби. Четыре гребца наших поспешили кинуть весла, вздернуть парус и привалиться к бортам, затянув что-то тоскливо-беззаботное. Ветер ударил в парус, крепко накренил его, — и мы понеслись в сумрак, на дальние огоньки Тивериады[3], рассыпанные под черной горю, стучая днищем по волнам, черпая воду. Я крикнул, чтобы ослабили парус: эти полуголые, худые, загорелые галилеяне, в своих войлочных круглых колпачках, прикрывающих только макушку, крикнули что-то в ответ. «Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось...» Да, да, это было здесь! Он дышал этим мягким, сильным, благовонным ветром! — Через час мы были уже в Тивериаде, маленькой, тесной и грязной, где лишь один сносный приют — старый латинский монастырь на самом берегу.

От Тивериады кесарей ничего не осталось. Француз-настоятель, пригласивший нас ночевать в монастыре, а перед сном выйти на

кровлю, с которой далеко видно было успокоенное в лунном свете озеро, жаловался: они изнемогают от скуки и тропического зноя в этом навозном местечке; вокруг них — пустыня; от Магдалы сохранилось только название, от Капернаума — груды камней, где итальянцы-монахи ведут раскопки; в Табхе всего пять человек братии... «Это близ Капернаума, на северном берегу?» — Да, да, сказал настоящий, глядя на туманные предгория Гадаринские, за озеро. Луна сияла — высоко-высоко. Все озеро было в светлом, тончайшем пару. Знойно звенели внизу ночные цикады — на пыльных кустарниках, на столетних придорожных кактусах. Тивериада спала...

Мне долго не давал уснуть козленок, жалобно плакавший где-то по соседству. В маленькое окошечко, пробитое в каменной стене почти под потолком, белело сквозь железную решетку лунное небо. В полутемной жаркой келье беззвучно плакали москиты. Блохи же Тивериады упоминаются даже в путеводителях... Но я поминутно говорил себе: я в Тивериаде! Эта ночь была одной из счастливейших во всей моей жизни.

Ранним утром мы поплыли в Капернаум. Озеро недолго дышало утренней свежестью. Вот уже растянули белый парусиновый навес над лодкой, — и он озаряет лица. Солнце все ослепительней и жарче. Озеро штилеет. Желто-рыжие верхи предгорий Гадаринских делают водные зеркала у берегов золотыми. Вода же под лодкой — зеленая, прозрачная, кажется бездонной. Гребцы дружно работают, и от поворачивающихся в воде весел извиваются, уходят в глубину как бы толстые змеи медянки с серебряными брюхами. Пот уже градом льет с красных лиц гребцов. Они рыбаки, в лодке лежат их сети... «Проходя же близ моря Галилейского, он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море...» Разве не мог призвать он и этих? Они еще несколько раз налегают на весла и поднимают их: лодка, чуть журча, добегаёт до берега. Мы выходим и оглядываемся. На берегу, среди колючих кустарников и розовых цветов олеандра, — груды белых камней, колонн: это и есть развалины знаменитой синагоги Капернаумской, куда столько раз, в такие же знойные дни, вхо-

дил он, теснимый народом, искавшим коснуться его. Тишина, солнце, блеск воды. Сухо, жарко, радостно. И вот он, с раскрытой головою, в белой одежде, идет по берегу, мимо таких же рыбаков, как наши гребцы... Симон и Петр, «оставив лодку и отца своего, тотчас последовали за ним»...

Табха между Капернаумом и Магдалой. Мы опять поплыли мимо невысоких холмов в тех же бурых, выгоревших травах. Возле Табхи единственное живое место этой пустыни: в озеро впадает источник, дающий о себе знать несколькими эвкалиптами и посевами в долинке меж холмами. Под эвкалиптами черный мальчик пасет десяток черных вислоухих коз с колокольчиками на шее. Это стадо братии. А приют ее — на холме, рядом: нечто вроде маленькой крепости, два-три здания из дикого камня за высокими стенами. Настоятель здесь старик-немец, чистота и порядок у него немецкие. Встретил он нас, сожженных зноем, сдержанно, но приветливо, комнаты дал в нижнем этаже, самые прохладные, выходящие на большую каменную террасу, в садик по скату холма, усыпанный гравием, ис-

пещренный легкой тенью светлой, сквозной зелени перечных деревьев, нежнейших мимоз и нежнейших хвойных пород серебристо-голубых, легких, как пух. Среди них поднимались две-три пальмы, чернели молоденькие кипарисы, цвели розы, ворковали дикие горлинки, наслаждаясь солнечным затишьем... И, оставшись один на террасе, я взял с каменного стола лежавшее на нем Евангелие, развернутое как раз на тех страницах, что говорят о море Галилейском. Теперь оно было предо мною. Воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, оно тонуло, млело в серебристом полуденном свете, теряясь на юге.

Как сладок, как ласков здесь изредка набегающий, теплый от дыхания затуманенных зноем гор, сильный южный ветер! Как широко, все сгущаясь и темнея, бежит перед ним лиловая зыбь по зеркалам у берегов, где светит золото предгорий! Как долго, как дремотно кланяются после него кипарисы и шелестят вайи пальм, напоминая о Египте, сохранившем его драгоценную жизнь в младенчестве!

1911

Комментарии

Впервые рассказ напечатан в газете «Русское слово», М., 1912, № 297, 25 декабря.

Бунин писал: «Но надо видеть страну Геннисаретскую: теперь она, молчаливая, пустынная, делит участь всей Палестины».

В. Н. Муромцева-Бунина рассказывает в своих воспоминаниях о поездке в Вифлеем, город в Палестине (соврем. Бейт-Лахм), где, согласно Библии, родился Иисус Христос: «Это небольшой городок, окруженный возделанными полями, с возвышающимся над ним храмом Рождества Христова, перед которым мы остановились. Церковь двухэтажная, тоже какая-то радостная. На полу в нижнем храме — звезда, место, где находились ясли. Мы долго стояли на белой лестнице храма, под сводчатым каменным навесом... Не помню, о чем шел разговор, но помню, что Ян неожиданно прочел: «Был Авраам в пустыне темной ночью...».

Примечания

1

Здесь родился от девы Марии Иисус Христос (*лат.*).

[^^^]

2

Назарет — город в Палестине; согласно библейскому рассказу, здесь прошло детство Христа.

[^^^]

3

Тивериада — город Галилеи на берегу Тивериадского (Теннисаретского) озера.

[^^^]